

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

И.Н. Ившина

ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. Предметом данного исследования является историко-правовой опыт учреждения федеративной формы государственно-территориального устройства (федерализации) более чем в пятидесяти государствах, принадлежащих к различным правовым системам мира. Более половины этих государств являются федерациями в настоящее время. Были исследованы предпосылки и причины, процесс федерализации, комплекс конституционно-правовых норм, закрепивший основы федерализма в федерациях англо-американской, романо-германской (в том числе латино-американской и бывшей социалистической), а также мусульманской правовых систем. В рамках целостно-системного подхода применены сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы, методы системного анализа и многофакторного детерминизма в сочетании с принципом историзма. В результате исследования выделены особенности федерализации государств каждой правовой системы, а также общие черты федерализации любого государства, безотносительно принадлежности к какой-либо правовой системе. К последним относятся: необходимость наличия комплекса предпосылок, сложившихся в разных сферах общественных отношений; наличие объективных причин федерализации; прохождение трех обязательных стадий федерализации: протофедерализма; конституционного закрепления федеративного устройства, способов согласования интересов и правовых механизмов разрешения споров, гарантий целостности федерации, учреждения институтов федеральной государственности на основе вступившей в силу писаной федеральной конституции.

Ключевые слова: конституция, теория государства, федерализация, сравнительное право, правовые системы.

Проблематика становления и развития федеративных государств мира заслуживает серьезного и пристального внимания и изучения, которые обусловлены местом и ролью федеративных государств в современном мире: «Соединенные Штаты Америки являются мировой державой или возможной мировой державой; Западная Германия потенциально является сильнейшей европейской нацией; Канада и Австралия – качественно средние державы; Индия – азиатский лидер; Нигерия – потенциально лидер в Черной Африке; Швейцария – финансовый гигант»¹. Кроме того, нас не могут не волновать судьбы федерализма в России, которая должна извлечь максимальную пользу из веками накопленного как от-

ечественного, так и зарубежного опыта становления федеративной государственности.

Анализируя историко-правовые проблемы генезиса федеративной формы государственного устройства возможно и целесообразно увязать их со спецификой различных правовых систем мира: выделить, с одной стороны, неизбежно существующие общие черты федерализации в государствах, относящихся к различным правовым системам, с другой – особенности, обусловленные спецификой конкретных правовых систем.

С научной точки зрения это возможно, потому что государство и право как фундаментальные юридические реалии взаимообусловлены и взаимосвязаны. Следовательно, говоря о форме государственного устройства, мы неизбежно уходим в сферу права, которая специфически отражает сущность формы госу-

¹ Sawyer, Geoffrey. Modern federalism. 2nd ed. – Carlton, Vic.: Pitman, 1976. P. 147.

дарства, закрепляя ее в комплексе норм публичного, прежде всего конституционного права.

Исследуя причины и предпосылки федерализации, а также соответствующие правовые процедуры, реализованные в различных странах мира, давая оценку эффективности и целесообразности учреждения федеративных отношений в конкретном государстве, мы должны учитывать, что «правовые нормы и процедуры, которые мы считаем существенными, могут в иной среде иметь лишь вспомогательное, почти ничтожное значение, так как общественные отношения основаны на иных принципах»².

Основными правовыми системами современности, по общему мнению, являются романо-германская, англо-американская (англо-саксонская, система общего права) и мусульманская правовые системы. Однако в результате колониальной политики европейских государств, осуществлявшейся в XVII-XX веках, а также в условиях современной интеграции, глобализации и функционирования международного права, «можно сказать, что нет ни одной страны, которая в той или иной степени не восприняла бы принципы европейского права»³.

Англо-американская правовая система (она же англосаксонская, она же семья общего права) дает нам наиболее ценный историко-правовой опыт в создании федерации и последующей адаптации перманентно меняющихся общественных отношений к федеративной форме государственного устройства и наоборот.

В лоне именно этой правовой семьи появилась первая современная классическая федерация – Соединенные Штаты Северной Америки, ставшая в последующем образцом для многих государств мира, так или иначе вовлеченных в процессы федерализации. Кроме того, именно здесь мы видим большое число стабильно и эффективно функционирующих федерации на протяжении долгого времени.

В федеративных государствах, создававшихся в пределах англо-американской правовой традиции или при ее влиянии, наблюдался преимущественно договорный характер федерализации (Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Малайзия, Танзания), как правило, с сохранением государственно-правовых традиций, действующих в пределах государств Британского Содружества Наций.

С точки зрения функционирования федеративных отношений, государства данной правовой семьи характеризуются наличием таких признаков, как «плюрализм институтов правления; конституционное прав-

ление; состязательность как способ урегулирования и разрешения конфликтов; активное участие граждан в общественной деятельности; установление моделей взаимоотношений, присущих открытым обществам; способность к реформированию в условиях сложно организованного общества»⁴.

Именно в результате учреждения федераций в рамках системы общего права сформировалась и развивалась модель американского права, особенностями которой являются писанные конституции, судебный конституционный контроль, особые правила применения прецедентов в связи с децентрализацией территории и наличием двухуровневой системы права и двухуровневой судебной системы.

Так как доктрина американского федерализма признает разделенный суверенитет, то в конституциях всех федераций американской правовой модели закреплена перечень исключительных предметов ведения и полномочий субъектов федерации, вторгаться в которые федеральный центр ни вправе.

Эволюция общего права в США после учреждения федерации проделала большой путь: была решена проблема соотношения федерального общего права и общего права штатов, которая сейчас выражается в ряде сформулированных Верховным судом правовых аксиом:

- за исключением вопросов, регулируемых федеральной Конституцией или законами конгресса, право, которое следует применить в тех или иных случаях, является правом отдельного штата. Вопрос о том, сформировано ли это право парламентом штата в законодательном акте или в решении Высшего суда штата, не касается федеральных властей;
- федеральное общее право существует лишь в сферах, подпадающих под исключительную компетенцию федеральной законодательной власти.

Р. Давид объяснял данные положения тем, что «введение понятия федерального общего права противоречит духу Конституции; признается факт превосходства федеральных властей (имеются в виду судебные власти) в тех вопросах, которые Конституция стремилась сохранить в компетенции штатов»⁵.

Следующей особенностью права в федеративных государствах американской правовой модели является то, что в праве субъектов федерации допускается много существенных различий. Это позволяет сохранить особенности нормативных систем и правосознания общества, исторически сложившиеся на той или иной территории, а также посредством права влиять на со-

² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1998. С. 9.

³ Там же. С. 185.

⁴ Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М.: Арена, 1993. С. 283.

⁵ Давид Р. Указ. соч. С.169-170.

циальные процессы. Например, пониженный брачный возраст в малонаселенной Монтане привлекает туда молодежь, спешащую вступить в брак, что сказывается на демографической, а значит и экономической ситуации штата.

Еще одной существенной особенностью федерализации и последующего функционирования федеральной системы государств, тяготеющих к американской модели права, является наличие большого числа демократических процедур и этапов федерализации. Все это вместе взятое придает безусловную легитимность вновь сформированным органам государственной власти, конституционность которых в дальнейшем никем не ставится под сомнение.

И, наконец, при федерализации государств данной правовой системы наблюдается максимально возможный комплекс вызревших предпосылок, обязательное наличие объективных причин федерализации, а также относительная растянутость всех процедур во времени, что дает возможность осмысленно и сбалансированно принимать важные решения.

В целом опыт федерализации государств американской модели права является наиболее ценным и может быть ориентиром для государств любой правовой семьи.

Романо-германская правовая система имеет разнобразный, противоречивый и неоднозначный конституционно-правовой опыт учреждения федеративных государств. С одной стороны здесь находятся такие стабильные федерации, как Швейцария, Германия, Австрия, с другой – разрываемая кризисами и стремящаяся сохранить целостность демократическая Бельгия, с третьей – экспериментировавшие с федерализмом, уходя и вновь к нему возвращаясь на протяжении двух столетий, латино-американские федерации – существующие Мексика, Бразилия, Аргентина и Венесуэла, а также не сумевшие ужиться в составе федерации и отколовшиеся от Великой Колумбии Уругвай, Эквадор, Панама и другие страны Центральной Америки. Кроме того, имеется сравнительно негативный историко-правовой опыт учреждения социалистических федераций, которые либо распались, либо существенно трансформировались, либо остались государствами с квази-федеративной формой государственного устройства.

Латино-американский федерализм является пионером в государствах романо-германской правовой семьи, так как непосредственная территориальная близость и историческая общность судеб бывших испанских и португальских колоний с успешно федерировавшимися в Северной Америке колониями Британии подвигла их на соответствующие действия. Если проанализировать хронологию федерализации на территории Латинской Америки, то становится очевидным, что ее «бум» пришелся на второе и третье десятилетия XIX в.

Федерализация проходила здесь параллельно с борьбой за независимость колоний, но процесс освобождения сопровождался стремлением сохранить феодальные или даже рабовладельческие экономические отношения. То есть буржуазный характер политико-правовых преобразований диссонировал с остальными формами хозяйствования.

Все это усугублялось отсутствием опыта демократии, поэтому не удивительно, что в условиях революционного хаоса к власти приходили военные, устанавливая режимы личной власти. При несформированности институтов гражданского общества они оставались надолго, сменяя друг друга.

В целом становление федеративной государственности в странах Латинской Америки, воспринявших романскую модель континентальной правовой традиции, в большей степени склонной к эгалитаризму, напротив, не было связано с собственно договорными процедурами, то есть существовавшие противоречия между федерировавшимися политико-территориальными образованиями не были четко сформулированы, обсуждены и разрешены цивилизованным способом с использованием юридических процедур, что в дальнейшем породило нестабильность функционирования как государства в целом, так и реализации федеративных отношений в частности.

Таким образом, федерализация здесь осуществлялась при отсутствии вызревших в обществе политических и экономических предпосылок, ясных целей и осознания ценности принципов федерализма. Можно сказать, что освободившиеся колонии Латинской Америки в большинстве случаев слепо копировали опыт государственного строительства Соединенных Штатов Америки. В результате провозглашенные федерации оказались фиктивными.

Федерации Западной Европы на протяжении всей своей истории «выстрадали» федерализм, веками находясь в рамках многонациональных империй, меняющих свои границы и названия. Германские, романские и даже западно-славянские народы, живя по-соседству, восприняв гуманистическую философию индивидуализма, вызревшую в лоне европейской цивилизации, не спешили объединяться по собственной воле. Так Германия, соседствуя с передовыми Нидерландами и революционной Францией, практически до второй половины XIX в. была в той или иной степени раздроблена и разобщена, пребывая в реалиях феодализма.

Между тем, три самых стабильных федерации Европы имеют ряд общих черт, касающихся федерализации: Швейцария, Германия и Австрия практически не заимствовали зарубежный опыт создания федераций, самостоятельно выработав принципы, модели и конституционные положения, в которых максимально учитывалась историческая специфика каждого государства.

Германия и Австрия, пройдя через тоталитарные режимы XX в., вновь вернулись к федерализму с его демократическими ценностями, что свидетельствует о наличии устойчивого комплекса предпосылок федерализации и одобрения обществом данной формы государственного устройства.

Правовая семья социалистического права, в XX в. вышедшая из лоно романо-германской правовой семьи, а затем вернувшаяся обратно, имеет сравнительно негативный опыт институционализации федеративной государственности. Большинство социалистических федераций не выдержало испытания историей и либо окончательно распалось (Советский Союз, Чехословакия, Югославия), либо встретилось с необходимостью коренного реформирования тех отношений, которые были закреплены в федеральных конституциях социалистического типа (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика).

Первой советской Конституцией РСФСР 1918 г.⁶ была закреплена «модель социалистического федерализма, основанная на национально-территориальной автономии и демократическом централизме. По замыслу одного из её авторов И. В. Сталина делалось это в целях усиления вертикали власти и управляемости членами федерации из центра»⁷, то есть авторитарно, в отсутствии демократических процедур, использование которых не предполагалось и в перспективе. Та форма государственного устройства, которая экспериментальным путем получилась у основателей советского государства, была не известна миру: «Пересечь границу социалистической страны – это значит попасть в новый мир с другой постановкой проблем, в мир, где такие понятия, как демократия, выборы, парламент, федерализм ... приобретают часто другой смысл»⁸ – писал Р. Давид.

М. Ю. Несмелова также видит существенные отличия: «Федерализм привнесен на российскую почву из западной либеральной традиции. Но федерализм западного образца принципиально отличается от «советского федерализма». Последний игнорирует индивидуальную свободу и сводит проблему к разделению полномочий между органами власти.»⁹

Такая практика советского государственного строительства была обусловлена следующими причинами.

⁶ Конституция (Основной закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. / Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. Ч. 2. Ст. I.

⁷ Гаранжа А. П. Российский федерализм: зарождение, становление, развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. С. 12.

⁸ Давид. Р. Указ. соч. С. 71.

⁹ Несмелова М. Ю. Федерализм и демократия: к проблеме становления // Федерализм: проблемы формирования / Под науч. ред. Ю. Р. Хайруллиной, А. Г. Большакова. – Казань: КИТУ им. А. Н. Туполева, 1994. С. 140- 143. С. 141.

Во-первых, федерализация в социалистических государствах преследовала утилитарную цель – как уже отмечалось, посредством территориального размежевания внутри государства решался национальный вопрос. В результате появлялись субъекты федерации, сформированные по национальному принципу, что, как показала история, является своеобразной «миной замедленного действия», и рано или поздно приводит к росту национализма и сепаратизма, а затем – распаду государства.

Такой подход к организации территориального устройства можно оправдать если, национальный вопрос стоял действительно остро: налицо были многочисленные и длящиеся межнациональные конфликты, многонациональный состав населения усложнялся исторической многоконфессиональностью (несмотря на декларированный атеизм социалистического общества). Так было, например, в России и в Югославии, которые на момент федерализации представляли собой обломки рухнувших империй с комплексом доставшихся по наследству проблем и противоречий. Но даже в этом случае национальный принцип формирования субъектов федерации следовало бы со временем и по возможности трансформировать в территориальный путем конституционных реформ – слиянием, объединением национальных субъектов, растворением их в более крупных территориальных субъектах, сформированных в соответствии со сложившимися экономическими связями и отношениями. Это было жизненно необходимо для самосохранения федерации.

В данном контексте совершенно неоправданно была осуществлена федерализация унитарной Чехословакии, где конфликтов между этническими чехами и этническими словаками в принципе не наблюдалось, а также исторически оба народа принадлежали к одной конфессии – католической. Видимо, здесь проявилось влияние политической доктрины, которая не только императивно предписывала «самоопределение народов», но и требовала единообразно следовать примеру других социалистических стран, прежде всего Советского Союза. Более того, при анализе документов, отражающих процессы федерализации, становится очевидным, что федеральные реформы, проведенные в Чехословакии, были результатом подавления «Пражской весны» и преследовали цель не только достижения единообразия в рамках государств социалистического блока, но и частично ослабляли государство, ставили его под политический контроль СССР. В результате сегодня на месте бывшей Чехословакии существует не одно, а два самостоятельных государства.

Второй особенностью социалистических федераций является фиктивный характер конституированных федеративных отношений. Это обусловлено отсутствием реальных демократических процедур в рамках тотали-

тарных и авторитарных политических режимов, фактически действовавших в социалистических государствах, а, следовательно, декларативным характером конституционных норм, закреплявших федеративное устройство, за которыми фактически скрывался унитаризм. Дальнейший распад социалистических федераций еще раз подтвердил тот факт, что федеративная форма государственного устройства оптимально сочетается только с демократическим правовым режимом и не может быть искусственно навязана кем бы то ни было.

Третьей причиной неудач социалистических федераций была особая роль политических партий, сросшихся с государством и монополично осуществляющих власть. «Федеральный характер Советского государства ограничен тем, что Коммунистическая партия СССР построена на централизованной основе»¹⁰ – считал Р. Давид¹¹; с ним соглашался И. Дучасек: «монополия одной партии ставит под серьезные сомнения реальность федерализма в таких странах, как Советский Союз, федерации Латинской Америки, Пакистан, Югославия и Чехословакия»¹²: политические решения принимаются здесь без использования процедур, присущих реализации принципов федерализма, в основном они принимаются федеральным центром в соответствии с идеологией демократического централизма.

Федерации социалистического типа, как и правовая семья социалистического права по окончании неудавшегося эксперимента возвращается в лоно романо-германской правовой и государственной традиции. Однако «перезагрузка» проходит сложно, реформирование формально сохранившихся федеративных отношений осуществляется противоречиво и непоследовательно, без научного обоснования необходимости сохранения федеративной формы государственного устройства, в отсутствие надлежащего анализа допущенных ошибок, существующих условий и прогноза на будущее.

В целом от федераций англо-американской правовой семьи романо-германские федерации отличаются способами разрешения федеральных споров, которые являются неотъемлемой частью публично-правовых отношений, складывающихся между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов федерации.

Если в федерациях англо-американской правовой системы федеральные споры разрешаются преимущественно в судебном порядке, то в федерациях романо-германской правовой семьи судам, как правило, подведомственны не все федеральные споры,

а только некоторые их виды. При этом обязательным условием для рассмотрения спора в суде часто является безрезультатность попыток решить конфликт иным способом, например, реализацией согласительных процедур. При этом сами согласительные процедуры не всегда четко регламентированы правом и могут складываться на основе политической практики. Это демонстрирует стремление федерального центра при решении федеральных споров находиться не в правовом, а в политическом поле. Следствием такой позиции является отсутствие правовых гарантий равноправия сторон федерального спора.

Кроме того, институт федерального вторжения, основанный на силовых методах разрешения федеральных споров, получил наибольшее развитие и закрепление в федеральных конституциях стран Латинской Америки – Мексике, Бразилии и Аргентине¹³, принадлежащих в романо-германской правовой системе.

Особенностями федерализации государств, принадлежащих к мусульманской правовой системе является, во-первых, формальность федеральных принимаемых конституций, которые в большинстве случаев являются октроированными. В соответствии с принципами мусульманского права любая, в том числе федеральная конституция, не обладает верховенством среди источников права – эта прерогатива сохраняется за Кораном. «В силу ряда причин объективного и субъективного характера не все конституционные принципы находят свое реальное осуществление на практике. Многие из них так и остаются обычными конституционными декларациями, хотя и имеют ранг конституционных норм», – отмечает М. А. Сапронова¹⁴.

Второй особенностью федерализации является отсутствие демократических процедур как при учреждении федерации, так и при ее дальнейшем функционировании. В результате своеобразия общественного сознания мусульманского общества, отражающего идеи преобладания коллективистских ценностей над индивидуалистическими, в публичных отношениях реализуется принцип «шуры», то есть коллективного достижения согласия мусульман по любому вопросу. На основании этого публичная воля императивна, а для демократии не остается места.

¹³ См.: Конституции государств Америки: В трех томах / Под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 1: Северная и Центральная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006; Т. 3: Южная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.

¹⁴ Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С.47.

¹⁰ Давид Р. Указ. соч. С. 94.

¹¹ Там же. С. 175.

¹² Duchacek, Ivo D. Comparative Federalism. – N. Y. – 1970. P. 330.

В доказательство сказанного, О. А. Попадюк, анализируя конституционно-правовую систему Пакистана, отмечает, что «выдвинутая Верховным судом “доктрина необходимости”, несмотря на нарушение конституционных норм, оправдывает действия армии по насильственному захвату власти и введению чрезвычайных мер на том основании, что она выступает в качестве единственной организованной силы, способной “спасти государство от дезинтеграции”»¹⁵.

«Доктрина необходимости» впервые была сформулирована Федеральным судом в решении по делу «Моули Тамизуддин Хан против Пакистана», оправдав роспуск пытавшегося принять первую федеральную конституцию Учредительного собрания и создав прецедент для легитимации военных переворотов в будущем. Очевидно, что корни данной доктрины лежат в доктрине ислама, основополагающим принципом которого является приоритет мусульманского общества и коллективного решения над пришедшими с Запада либеральными институтами, к которым относится и конституция. Для контроля за соответствием законодательства принципам ислама уже в момент учреждения федерации создается специальный орган (в Пакистане, в Объединенных Арабских Эмиратах).

Однако, анализируя процессы федерализации мусульманских государств с позиций европейского правосознания, необходимо учитывать их специфику: федерации, сложившиеся в исламском мире, основаны на своеобразном договоре представителей мусульманского общества, всегда обязанных действовать в интересах, в соответствии с традициями этого общества. Поэтому кажущаяся европейцам «недемократичность» некоторых процедур складывания и юридического оформления федерации, например, использованных при создании Объединенных Арабских Эмиратов, для населения этой страны и для мусульманского мира в целом таковой не является.

А. В. Баранов, анализируя практику учреждения существующих федеративных Пакистана, Малайзии и Объединенных Арабских Эмиратов, распавшихся федераций Судана, Египта и Сирии, а также унитаризировавшихся Индонезии и Йемена, отмечает, что всем им присущи идеологии, основанные на стремлении к высокой централизации. Это идеи пан-арабизма, пан-африканизма и пан-исламизма¹⁶. В свете этого для большинства исламских государств федерализм является своеобразной переходной формой от территори-

альной раздробленности сообществ к их интеграции. Не случайно большинство федеральных конституций исламских государств в своем названии содержит слово «временная».

Кроме того, отдельные территории и сообщества мусульманского мира, приверженные традиционным ценностям и в ряде случаев сохраняющие обычное право (Территория племен в Пакистане), в процессе федерализации борются за сохранение своей самобытности, в результате чего складываются асимметричные федерации с принципиальными различиями конституционно-правовых статусов.

Во многих мусульманских федерациях традиционно сохраняется монархическая форма правления. Однако, приспосабливаясь к сложной территориальной организации и двухуровневой системе властных отношений федеративного государства, монархия трансформируется в нетипичные формы правления. Так в Объединенных Арабских Эмиратах существует выборная монархия; в составе Малайзии среди трех видов субъектов федерации есть монархические княжества с наследственными монархами.

В силу неразвитости демократических идей и институтов в государствах мусульманской правовой семьи складываются тоталитарные государственно-правовые режимы, наблюдается «тяготение к персоналистическому и бюрократическому авторитаризму»¹⁷, отсутствует ротация политической элиты, часто совершаются государственные перевороты. Это характерно, например, для таких федераций исламского мира, как Пакистан, Ирак, Нигерия.

В некоторых мусульманских федерациях сформирован и действует однопалатный федеральный парламент, что фактически не дает возможности субъектам федерации конституционно-правовыми средствами влиять на принятие государственных решений, принимаемых федеральным центром.

Таким образом, можно сделать вывод, что федерализм, как и конституционализм в целом для государств мусульманской правовой семьи является достаточно формальным. Учрежденный де-юре, он практически не реализуется де-факто.

Проанализировав особенности федерализации государств, принадлежащих к различным правовым семьям и выделив ее специфику, логично назвать общие черты данного процесса, присущие федерациям в целом, безотносительно принадлежности к какой-либо правовой системе мира. С нашей точки зрения, к общим чертам можно отнести следующее:

- для успешной федерализации любого государства необходимо наличие комплекса предпосылок,

¹⁵ Попадюк О. А. Становление и развитие конституционно-правовой системы исламской республики Пакистан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Попадюк Олег Александрович. – М., 2011. С. 8.

¹⁶ Баранов А. В. Федерализм в исламском мире. // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 3-4. – С. 112 – 123.

¹⁷ Попадюк. О. А. Указ. соч. С. 7.

- сложившихся в разных сферах общественных отношений;
- наличие объективных причин федерализации является обязательным условием; если имеются только причины субъективного характера, то федерация вряд ли просуществует длительное время;
 - необходимо прохождение трех обязательных стадий федерализации: протофедерализма; конституционного закрепления федеративного устройства, принципов и гарантий федерализма; учреждения институтов федеральной государственности на основе вступившей в силу федеральной конституции;
 - наличие писаной федеральной конституции;
 - выработка и конституционное закрепление способов согласования интересов органов государственной власти двух уровней и правовых механизмов

разрешения споров, то есть создание своеобразного баланса, который «...превращает федерализм в основной институциональный принцип вертикального разделения полномочий, направленный на обеспечение взаимного ограничения и контроля между разными уровнями правительства, в частности, и политической системы в целом»¹⁸;

- наличие конституционно закрепленных гарантий целостности федерации.

Таким образом, усвоив положительный опыт федерализации зарубежных государств (прежде всего государств американской модели государств правовой системы общего права) при федерализации каждого отдельного государства необходимо учитывать историческую специфику его политико-правовых институтов, общественного правосознания и зрелости институтов демократии.

Библиографический список:

1. Duchacek, Ivo D. Comparative Federalism. – N. Y. – 1970.
2. Sawyer, Geoffrey. Modern federalism. 2nd ed. – Carlton, Vic.: Pitman, 1976.
3. Баранов А.В. Федерализм в исламском мире. // Человек. Сообщество. Управление. – 2004. – № 3-4. – С. 112 – 123.
4. Гаранжа А.П. Российский федерализм: зарождение, становление, развитие. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2009. 26 с.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1998.
6. Конституции государств Америки: В трех томах / Под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 1: Северная и Центральная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
7. Конституции государств Америки: В трех томах / Под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 3: Южная Америка. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006.
8. Конституция (Основной закон) РСФСР от 10 июля 1918 г. / Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
9. Лафитский В.И. Памятники конституционного правотворчества: от первых конституций до конституции Российской Федерации 1993 г. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – 3. – С. 372 – 392.
10. Несмелова М.Ю. Федерализм и демократия: к проблеме становления / Федерализм: проблемы формирования / Под науч. ред. Ю.Р. Хайруллиной, А.Г. Большакова. – Казань: КГТУ им. А. Н. Туполева, 1994. С. 140-143.
11. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. – М.: Арена, 1993. 320 с.
12. Попадюк О.А. Становление и развитие конституционно-правовой системы исламской республики Пакистан. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. 24 с.
13. Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
14. Фляйнер Т., Фляйнер Л. Р. Б. Федерализм, федеративные государства и децентрализация / Федерализм: российское и международное измерение (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. Хакимова. – Казань, 2004. С. 8-40.

References (Transliteration):

1. Konstitutsii gosudarstv Ameriki: V trekh tomakh / Pod red. T. Ya. Khabrievoi. T. 1: Severnaya i Tsentral'naya Amerika. – М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2006.
2. Konstitutsii gosudarstv Ameriki: V trekh tomakh / Pod red. T. Ya. Khabrievoi. T. 3: Yuzhnaya Amerika. – М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2006.
3. Baranov A.V. Federalizm v islamskom mire. // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. – 2004. – № 3-4. – S. 112 – 123.
4. Garanzha A.P. Rossiiskii federalizm: zarozhdenie, stanovlenie, razvitie. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Omsk, 2009. 26 s.
5. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / Per. s fr. V.A. Tumanova. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998.

¹⁸ Фляйнер Т., Фляйнер Л. Р. Б. Федерализм, федеративные государства и децентрализация / Федерализм: российское и международное измерение (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. Хакимова. – Казань, 2004. С. 8-40. С. 9.

6. Nesmelova M.Yu. Federalizm i demokratiya: k probleme stanovleniya / Federalizm: problemy formirovaniya / Pod nauch. red. Yu.R. Khairullinoy, A.G. Bol'shakova. – Kazan': KGTU im. A. N. Tupoleva, 1994. S. 140-143.
7. Ostrom V. Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushcheesya obshchestvo. – M.: Arena, 1993. 320 s.
8. Popadyuk O.A. Stanovlenie i razvitie konstitutsionno-pravovoi sistemy islamskoi respubliki Pakistan. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2011. 24 s.
9. Sapronova M. A. Arabskii Vostok: vlast' i konstitutsii. – M.: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet); «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2001.
10. Flyainer T., Flyainer L. R. B. Federalizm, federativnye gosudarstva i detsentralizatsiya / Federalizm: rossiiskoe i mezhdunarodnoe izmerenie (opyt sravnitel'nogo analiza) / Pod red. R. Khakimova. – Kazan', 2004. S. 8-40.
11. Lafitskii V.I. Pamyatniki konstitutsionnogo pravotvorchestva: ot pervykh konstitutsii do konstitutsii Rossiiskoi Federatsii 1993 g. // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2013. – 3. – С. 372 – 392.